

С. Д. Крыжицкий

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЗАПОВЕДНИК «ОЛЬВИЯ».
ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И СОХРАНЕНИЯ
АРХИТЕКТУРНО-СТРОИТЕЛЬНЫХ ОСТАТКОВ

Столетние систематические археологические исследования Ольвии позволили прийти к выводу о том, что негативное действие природных факторов на городище — трансгрессия, абразия, эрозия и особенно оползневые процессы привели к тому, что за 1500 лет, прошедшие после прекращения жизни Ольвии, часть города разрушена и его остатки находятся под водами Бугского лимана. Действие этих факторов продолжается и сегодня. Это определяет необходимость проведения в ближайшем будущем в основном охранных археологических раскопок вдоль, главным образом, восточной границы городища.

Открытые в Ольвии архитектурно-строительные остатки представляют в условиях Северного Причерноморья исключительный интерес, как научный, так и культурологический. В связи с этим важное значение приобретают сохранение некоторых раскопанных объектов и проведение консервационно-реставрационных мероприятий, определение очередности их музеефикации, которая и предлагается в данной статье.

S. D. Kryzhytskiy

HISTORICO – ARCHAEOLOGICAL PRESERVE «OLBIA».
PROSPECTS OF INVESTIGATION AND CONSERVATION
OF ARCHITECTURAL BUILDING REMNANTS.

The centenary systematic archaeological studying of Olbia enabled the conclusion about the negative influence of natural factors on the ancient town. Transgression, abrasion, erosion and especially landslide processes for the last thousand and five hundred years, past since Olbia declining, caused the ruining of the part of the town and the appearance of its remnants under the waters of the Bug estuary. The influence of these factors has been continuing at present. All this conditions the importance of organizing of the rescue archaeological excavations mainly along the Eastern border of the ancient town.

The archaeological remnants found in Olbia are of great interest both scientific and archaeological. That's why saving of a great number of the excavated objects and organization of conservation and restoration measures, definition of the sequence of their museumification, which is proposed in this article, have a very important meaning.

И. В. Тункина

**К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОЛЬВИИ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX В.**

Статья посвящена исследованию Ольвии в первой трети XIX в. В то время были составлены первые планы древнего города и его окружи, опубликованы первые результаты научных исследований по истории памятника, введены в научный обиход новые надписи и монеты, происходившие из Ольвии.

Известный одесский антикварий И. П. Бларамберг обратил внимание на ольвийские памятники в начале 1810-х годов¹. Одним из источников поступления новых памятников в его коллекцию стали раскопки на городище и некрополе Ольвии. Точных сведений о них мы не имеем. А. А. Скальковский, описывая посеще-

© И. В. ТУНКИНА, 2001

ние великим князем Николаем Павловичем (будущим императором Николаем I) Новороссийского края в 1816 г., указывал что последний приехал на развалины Ольвии и «присутствовал при разрытии многих курганов», а найденную серебряную «медаль» подарил И. П. Бларамбергу «в знак уважения к его археологическим трудам в этой местности»². Николай Павлович посетил Ольвию проездом, выехав из Николаева 11 июня 1816 г. и прибыв в Одессу на следующий день³. Тем же маршрутом осенью 1817 г. путешествовал великий князь Михаил Павлович, ранее осмотревший собрание редкостей Черноморского депо карт в Николаеве⁴.

За многие годы И. П. Бларамберг собрал значительную коллекцию древностей⁵, куда вошли лапидарные памятники, круглая и рельефная скульптура, керамика, мелкая пластика, амфорные ручки с клеймами, изделия из металла, украшения⁶. И все же основное внимание коллекционер уделял своему богатейшему собранию ольвийских монет (не менее 1000 экз.) и монет других городов, найденных в Ольвии и Причерноморье, которое собиратель называл «нумизматическим периплом Понта Эвксинского»⁷. Еще в 1817 г. Иван Павлович пожертвовал часть своей нумизматической коллекции (700 монет римского времени из Ольвии) Ришельевскому лицу, а в 1825 г. — 204 монеты только что открытому городскому музею древностей в Одессе.

Неподдельный интерес к Ольвии проявил поэт К. Н. Батюшков, который летом 1818 г. в качестве почетного библиотекаря Имп. Публичной библиотеки во время отпуска для поездки на юг России «с целью отыскания рукописей и остатков русских и греческих памятников» посетил городище, собрал несколько находок, снял план и вчерне написал «Замечания об Ольвии». Во время работы над очерком поэт читал произведения античных авторов, прежде всего Геродота, пытался достать малотиражные и потому редкие труды академика Е. Е. Кёлера, изучал ольвийский кабинет Бларамберга⁸. В письме от 19 октября 1818 г. он уговаривал Н. П. Румянцева приобрести коллекцию Бларамберга: «Я с моей стороны священным долгом почел уведомить вас о сем собрании, которое, легко может стать ся, перейдет в руки поляков или англичан, ибо г. Бларамберг по напечатании каталогов намеревается продать свой кабинет. В бытность мою в Одессе его уже торговали»⁹. К счастью, все же большая часть собрания И. П. Бларамберга впоследствии поступила в Одесский городской музей древностей.

17 июля 1818 г. Батюшков писал А. Н. Оленину из Одессы: «Отдохнув в Николаеве, я отправился в Ильинское, поместье Кушелева-Безбородки, т. е. в древнюю Ольвию, и осмотрел любопытные остатки или могилу сего города [...]. Я снял план с развалин или, лучше сказать, с урочища, и вид с Буга. Рисовать я не мастер, но сии виды для меня будут полезны: они пояснят мое описание, если когда-нибудь вздумается мне привести в порядок мои записки... Для вас сохранил урну, найденную в развалинах рыбаком. Вот ее история. Один из рыбаков селения рыл яму и заступом ударил по черепице; продолжал рыть и вынул из земли большой сосуд покрытый. Полагая, что в нем монеты, разбил его. В первом сосуде был прах на дне и другой сосуд, во втором третий. Все три грубой работы из глины. Сей последний доставляю Вам на память обо мне. В нем управитель Ильинского подносил вино рабочим людям; лучше же ему быть в кабинете Вашем. Но такие сосуды здесь не редкость: их находят повсюду, даже в полях, где, конечно, римляне стояли лагерем. Притом сохранию для вас две медали: одну из них подарил мне г. Бларамберг, у которого прекрасное, единственное в своем роде собрание медалей, обломков и статуй... Здесь в Одессе я пользуюсь его благоклонностью и кабинетом. Жаль, что он не публикует его! — В Ольвии открыли трубу, которая более двух тысяч лет лежала в земле. Она служила водопроводом, и странное дело! из нее еще струится вода в Буг. Адмирал Грейг посылал из Николаева чиновника осмотреть ее форму, меру и положение. Одно колено сей трубы я взял с собою и постараюсь привезть; не угодно ли Вам будет поставить ее в библиотеку или в Ваш кабинет?»¹⁰. В конце июля 1818 г. Батюшков сообщал Н. И. Гнедичу: «Я кое-что написал об Ольвии. В Петербурге на досуге переправлю и сообщу твоему просвещению [...]; всем надоел здесь медалями и вопросами об Ольвии»¹¹. Эта тематика настолько захватила воображение Батюшкова, что 10 сентября 1818 г. он писал А. И. Тургеневу из Москвы: «Я с ума схожу на Ольвию»¹². К несчастью, из-за душевной болезни в припадке депрессии весной 1822 г.

в Симферополе поэт сжег свою библиотеку и все рукописи, в том числе черновой очерк об Ольвии со всеми видами и планами¹³.

Результатом археологических исследований И. П. Бларамберга явилась серия статей об Ольвии, из которых широко известна лишь одна — о монетах древней Ольвии из его собрания, вышедшая в 1822 г. в Париже при содействии И. А. Стемпковского и скорее всего под редакцией Д. Рауль-Рошетта¹⁴. С согласия одесских антиквариев французский академик издал несколько неизвестных ранее эпиграфических памятников Ольвии, предоставленных ему И. А. Стемпковским и И. П. Бларамбергом¹⁵. В 1828 г. на средства Общества истории и древностей российских при Московском университете был издан «неудовлетворительный» русский перевод упомянутой статьи И. П. Бларамберга, выполненный А. А. Писаревым¹⁶. Это исследование представляет собой краткий исторический очерк Ольвии с приложением рисунков 225 монет и плана местности у села Ильинского¹⁷.

За 12 лет коллекционирования через руки Ивана Павловича прошло несколько тысяч ольвийских монет, о чем он сообщал в письме к П. И. Кёпфену от 12 мая 1823 г.¹⁸. Все известные ему ольвийские монеты И. П. Бларамберг разбил на несколько групп, специально оговорившись, что «в расположении медалей... не принят порядок хронологический потому, что невозможно положительно определить время или эпоху битья монеты, исключая малого числа медалей, дошедших до нас с изображением римских императоров и чеканенных в упомянутом городе, вероятно, в продолжении только сорока лет», т. е. как он считал, от Септимия Севера до Александра Севера включительно¹⁹. Систематизация автономных монет из-за отсутствия обозначения эры в то время могла быть составлена только по нумизматическим признакам. Наряду с привлечением свидетельств древних авторов И. П. Бларамберг попытался извлечь историческую информацию из надписей и монет Ольвии. Автор реконструирует элементы государственного устройства (по надписям, в том числе декрету в честь Протогена), прослеживает характер торговли, рассматривает основные культы полиса, устанавливает, что город несколько раз был данником варварских племен. Иван Павлович правильно определил время прекращения ольвийской монетной чеканки, которая «оканчивается Александром Севером и матерью его Юлией Маммеею»²⁰. Этот вывод полностью согласуется с данными современных исследований²¹. Конец девятивековой истории города Бларамберг связывал с «эпохой разорения гетами или даками»²².

Одесский антикварий впервые ввел в научный оборот три золотых, одну электровую, несколько десятков серебряных и медных монет. К первой группе автор отнес литые ольвийские ассы, которые он назвал тессерами. Вторую группу составили монеты автономного периода — три из золота и одна из электра. Из этих четырех монет только одна ольвийская, три приписаны Ольвии ошибочно — две кизикские гекты и одна полугекта²³. Следующая группа также автономного периода — серебряные монеты, причем, как установила Т. А. Избаш, из 11 описанных 2 явно не ольвийские. Самая многочисленная группа бронзовых монет — 186, из которых 7 точно не ольвийских и одна (№ 179) под сомнением. Затем следуют бронзовые монеты императорской эпохи (14 монет) и 3 монеты варварских царей, одна неизвестного басилевса; 2 монеты справедливо отнесены И. П. Бларамбергом к чеканке скифского царя Скилура²⁴. Внутри каждой из этих групп И. П. Бларамберг ввел разбивку по типам изображений. Кроме металла указан также размер монет по шкале Эккеля и монограммы, изображенные на приложенной таблице. Таким образом, Бларамберг не просто издал описание ольвийских монет своей коллекции, но и попытался классифицировать их.

Безусловно, относительно исторических выводов статья И. П. Бларамберга очень скоро устарела, однако категоричная оценка В. В. Латышева, посчитавшего ее «крайне слабой и поверхностной»²⁵, не может быть принята. Достаточно заметить, что у европейских ученых первой четверти XIX в. она вызвала огромный интерес и одобрение²⁶. Несмотря на неизбежные погрешности, работа И. П. Бларамберга имела важное научное значение — она была одной из первых, достаточно полных публикаций не только монет Ольвии²⁷, но и северопричерноморских монет вообще.

Среди рукописей И. П. Бларамберга хранится также статья «Notice sur Olbio-

polis ou Olbia», возможно, относящаяся к 1818—1822 гг., так как она заканчивается анализом декрета в честь Протогена²⁸. Собирателем был составлен и «Ономастический список граждан Ольвии» с перечнем имен и должностей, занимаемых ими в городском управлении, составленный по надписям, монетам и другим источникам²⁹. Еще одна неопубликованная рукопись на французском языке «Antiquités découvertes en différens terns dans les ruines d'Olbia et conservées dans le Cabinet du Conseiller d'état de Blaramberg à Odessa» (Древности, обнаруженные в разное время на развалинах Ольвии и хранящиеся в кабинете статского советника Бларамберга в Одессе)³⁰. Это своего рода продолжение парижской статьи 1822 г., написанное под влиянием положительных откликов в европейских журналах. Первая часть посвящена рассмотрению светильников и фрагментов «дисков глиняных свегильников», вторая — памятникам керамической эпиграфики (астиномным клеймам на амфорах), третья — описанию статуи «Юноны или Изиды», четвертая — терракотовой головке, пятая и шестая — мраморным барельефам с изображениями «Гекаты», «Дианы Охотницы», седьмая — скульптурным бюстам «Вакха и его свиты», девятая — ольвийским монетам (добавление к опубликованной статье 1822 г.). В архиве М. С. Воронцова сохранились графические иллюстрации к этой работе³¹, позволяющие паспортизировать ряд памятников ОАМ НАН Украины из собрания Бларамберга.

Еще одна неопубликованная рукопись Бларамберга «Olbia. Denkmaeler und Inschriften von ihr» в двух томах обнаружена в 1993 г. Ю. Г. Виноградовым в архиве А. Бёка в Институте Inscriptiones Graecae в Берлине. Второй ее том целиком посвящен декрету в честь Протогена. Ссылки на издания «едва перегагивают рудубеж первой и второй четвертей XIX в.». На этом основании Ю. Г. Виноградов предположил, что автором рукописи мог быть либо П. Кёппен, либо Е. Кёлер³². Располагая ксерокопиями четырех листов, любезно предоставленной мне Ю. Г. Виноградовым, и сличив почерк этого труда с рукописями И. П. Бларамберга, хранившимися в Киеве, Москве и Санкт-Петербурге, я пришла к однозначному выводу, что они принадлежат одному человеку — писцу, переписывавшему с рукописных оригиналов написанные бисерным почерком труды одесского антиквара, возможно, одному из его сыновей или дочерей. Это подтверждается наличием некоторых несурозностей в воспроизведении ординарного текста 17-строчной надписи из Очакова с посвящением Аполлону Простату, вероятно, второй четверти II в. до н. э.³³, которые вряд ли могли допустить специалисты. Известно, что именно И. П. Бларамберг был информатором А. Бёка об ольвийских лапидарных памятниках при подготовке свода греческих надписей, за что и был избран членом-корреспондентом Берлинской АН (1830).

В архиве Эрмитажа сохранились две посвященные памятникам Ольвии рукописи Бларамберга на французском языке, переписанные набело той же рукой, что и берлинская: «Description de quelques médailles grecques, de quelques Anses d' Amphores, briques, et fragmens de vases de terre cuite, ainsi que de 100 médailles Romaines impériales en argent trouvée dans l'enceinte de l'ancienne ville d'Olbie appartenant à Mr. le Comte Kuschelef-Besborodko»³⁴, и «Description de plusieurs objets trouvés à Olbia»³⁵.

Вероятно, в раскопках И. П. Бларамберга на городище и некрополе Ольвии принимал участие и И. А. Стемпковский³⁶. По материалам надписей он издал первое специальное исследование об ольвийском календаре³⁷. Известно, что в руинах города им были найдены и идентифицированы две неизвестные ранее монеты с именем скифского царя Скилура³⁸, медь которого чеканилась в Ольвии между 140/135—115/110 гг. до н. э. Третья монета была найдена Бларамбергом при раскопках городища Неаполя Скифского в 1827 г.³⁹. Как писал об этом «Вестник Европы», «никто даже и не помышлял о существовании какой-либо монеты царей скифских! Открытие, достойное особенного внимания по своей новости и важности для истории!»⁴⁰. И. А. Стемпковский призывал начать раскопки «Акрополя, или Цитадели Ольвийской» и курганов некрополя⁴¹, а также изучить окрестности города: «На правом берегу Буга, в трех верстах выше развалин Ольвии, видны признаки небольшого древнего укрепления, очевидно греческого. Тут находят много монет Ольвии с изображением *рогатого Пана*; почему и место сие названо жителями *Чертовою Балкою*. Паллас упоминает о сих развалинах в конце второго тома *Путешествия своего по южным губерниям России*.

Весьма вероятно, что ольвиополиты имели тут передовое укрепление противу нашествия скифов, быть может также, что тут было поселение тех *Мекселлинов*, жителей *пограничных*, о коих упоминается в любопытной Ольвийской надписи Протагена, изданной в 1823 г. почтенным П. И. Кёппеном в Вене...»⁴².

И. А. Стемповский опубликовал информацию о кладе ольвийских монет, найденных в декабре 1824 г. при планировке двора господского дома в деревне Понятовке Херсонской губ. и уезда, в 25 верстах от Херсона вверх по Днепру, принадлежавшей полковнику Баранову. Клад, включавший более 600 монет хорошей сохранности, был найден в «обыкновенном черном горшке» на глубине более аршина [0,71 м]. «Все они, без исключения, изображают с одной стороны лицо рогатого Пана [речного бога Борисфена, или Гипанида.— *И. Т.*] с бородою, а с другой название города OLBIO, в коем были чеканены, секиру, сайдак (сугуте [горит.— *И. Т.*]) со вложенным в оный луком, и наконец различные литеры, как то AP, B^{OS}, EPI, NI, и пр., или же монограммы из разных букв составленные, что и должно полагать начальными слогами разных имен градоправителей ольвийских. Подобные монеты отыскиваются во множестве в развалинах Ольвии и особенно в близлежащем урочище Чертовой балке, коей дано сие название по причине находимых монет с головою рогатого Пана, почитасмого поселянами за диавола. Изображение таковых монет можно видеть в любопытном каталоге древних ольвийских медалей, изданном г-ном статским советником Бларамбергом в 1822 г.»⁴³. Таким образом, в современном с. Токаровка (бывш. Понятовка), в 1824 г. случайно был обнаружен большой клад крупной разменной меди с изображениями Борисфена и скифского оружия (так называемых борисфенов), т. е. монет, получивших широкое распространение за пределами Ольвии. Судя по описанию, клад включал образцы ольвийской чеканки с начала последней четверти IV в. вплоть до конца второй трети III в. до н. э.⁴⁴. Другой клад с большим количеством монет в «кувшине» из того же с. Понятовки, как указано в документе, в 28 верстах выше Херсона на правом берегу Днепра, был обнаружен в середине XIX в. на древнем городище («древнем городе, обнесенном валом»). Из его состава лишь 5 монет «уцелели» и были переданы в музей Одесского общества истории и древностей жившим в Херсоне его действительным членом Н. П. Вергиляком⁴⁵.

Одним из самых серьезных исследователей Ольвии был П. И. Кёппен — автор первой монографической работы о ней, оставшейся неизданной⁴⁶. Текст очерка должен был иллюстрироваться двумя планами, помещенными в приложении: «План крепости Ольвии» и «План всего города и ближайших окрестностей оного»⁴⁷. Первый, представляющий цитадель позднейшей Ольвии, был снят самим П. И. Кёппеном при помощи астролябии в 1819 г. Этот план был опубликован в виде отдельной вставки в левом нижнем углу общего плана городища и урочища Сто могил (1821). Недавно обнаружены снятый П. И. Кёппеном 26 октября 1819 г. подлинный черновой план ольвийской цитадели, хранящийся в Отделе картографии ЦНБ НАН Украины⁴⁸, и его позднейшая копия в архиве Национального заповедника «Херсонес Таврический»⁴⁹. Приписываемые Петру Ивановичу недостатки в реконструкции оборонительных сооружений поздней Ольвии опровергаются данными современных раскопок.

В основу второго плана был положен план Ольвии, полученный в Одессе от И. П. Бларамберга. 7 декабря 1821 г. И. П. Бларамберг благодарил жившего в Одессе брата П. И. Кёппена Карла Ивановича за присылку опубликованного плана руин древнего города и его окрестностей и подчеркнул, что в его распоряжении имеется три плана Ольвии разных размеров, но абсолютно подобных⁵⁰. В поисках этих планов я в 1988 г. обратилась к богатейшим фондам Центрального государственного военно-исторического архива СССР (ныне Российский государственный военно-исторический архив) в Москве. Архивные разыскания оказались успешными — мною были обнаружены три ранее неизвестных и никогда не издававшихся плана Ольвии и ее окрестностей одного и того же автора⁵¹. Все они имеют одинаковое название: «План развалинам бывшему городу Ольвию», один масштаб (1 англ. дюйм=50 сажень; 1:4200). Рельеф передан в аналогичной технике отмывки акварелью, надписи, экспликация и буквенные обозначения — черной тушью. Все планы имеют пояснение: «Снимал с натуры инженер-поручик Бориславский»⁵², третий — также вторую подпись «инженер-капитан

фон Муцель»⁵³. На двух из них⁵⁴, один из которых с автографом Муцеля⁵⁵, представлена одинаковая экспликация, расположенная с левой стороны листа: отмечены «городище Ольвио» (А), «разрытые фундаменты, в коих найдено множество с надписями камней» (Р), «завалившие подземные ходы» (С), два больших кургана с крепидами — «два большие кургана, кругом каждого обложено при основании большими камнями» (В), «на высоте колодец» (Е), некрополь — «Прочие курганы под названием Сто могил» (Р), «Родники» (О). Оба плана имеют одинаковые подписи, различающиеся лишь в деталях: «Кладбище из села Ильинска», «Мельницы», «Рыбная ловля», «Виноградной сад», «Колодец» (на другом плане Бориславского отсутствует), «Огородный плантаж» (на плане, подписанном Муцелем, отсутствует). Экспликация еще одного плана Бориславского⁵⁶ расположена с правой стороны листа и имеет более обширную расшифровку буквенных обозначений. Здесь добавлены «Рыбная ловля» (Н), «Огородные плантажи» (I), «Колодезь» (К), «Мельницы» (L), «Кладбище из селения Парутиной» (М). Публикация и обстоятельный сравнительный анализ этих планов составят предмет самостоятельного исследования. Отметим лишь следующее.

В описях РГВИА, включающих коллекцию Военно-ученого архива Главного штаба, эти рукописные планы в красках ошибочно датированы второй половиной XVIII в. На всех трех планах отмечены места находок надписей, «разрытые» фундаменты построек и т. п., свидетельствующие об их составлении позднее рубежа веков. Изучение послужных списков авторов съемки также доказывает неточность архивной датировки. Судя по формулярным спискам, планы были составлены не ранее 1809 г., а план, заверенный подписью фон Муцеля, — между 1809 и сентябрем 1811 гг. Проанализировав все известные ему планы Ольвии первой четверти XIX в., А. Н. Карасёв пришел к выводу, что при изготовлении каждого из них авторы пользовались одним и тем же первоисточником, который, по его мнению, был выполнен в начале XIX в. топографами военно-морского ведомства⁵⁷.

Согласно П. И. Кёппену, получившему план Ольвии от И. П. Бларамберга в Одессе, он был снят «каким-то инженером» для государя и на нем показаны «город и все пространство, на коем приметно еще прежнее жильё». Как известно, император Александр I впервые посетил Одессу, Николаев и Херсон лишь в апреле — мае 1818 г.⁵⁸ Следовательно планы Бориславского не могли быть выполнены к приезду царя. Один из снятых им планов стал основой для гравированного на меди плана Ольвии, опубликованного П. И. Кёппеном в 1821 г. на средства графа Кушелева-Безбородко. Кёппеновский план стал первым в мировой науке опубликованным планом городища и его окрестностей, который, как полагал А. Н. Карасёв, «поражает точностью в передаче основных, решающих элементов рельефа»⁵⁹. Очевидно, что топооснова хранящихся в РГВИА планов стала источником и для других известных опубликованных планов Ольвии — И. М. Муравьева-Апостола и И. П. Бларамберга, дополненных каждым из издателей.

В 1822 г. вышло в свет сразу несколько работ об античных памятниках Северного Причерноморья: в Париже — монография Дезире Рауль Рошетта «*Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien*», где широко использованы археологические материалы, две статьи И. А. Стемповского, брошюра И. П. Бларамберга с описанием монет Ольвии из его кабинета; в Петербурге — первая публикация важнейшего документа лапидарного архива Ольвии — декрета в честь Протогена, подготовленная Е. Е. Кёлером⁶⁰. Часть материалов, собранных для статьи об Ольвии П. И. Кёппен включил в свою рецензию на монографию Д. Рауль-Рошетта о греческих древностях Боспора Киммерийского (1822) под названием «*Alterthümer am Nordgestade des Pontus*», вышедшую на немецком языке в Вене в 1823 г. во время его пребывания в Западной Европе с посвящением графу П. П. Румянцеву⁶¹. В книгу П. И. Кёппена вошли 10 неизданных надписей из Ольвии, неизвестных ни Е. Е. Кёлеру, ни Д. Рауль-Рошетту, ни А. Бёку, которому посылали свои материалы И. П. Бларамберг и И. А. Стемповский. Здесь же издан декрет в честь Протогена по собственной копии П. И. Кёппена, текст которого был отпечатан также отдельно с немецким переводом австрийского ученого доктора Эйхенфельда⁶². Появление серии публикаций о причерноморских древностях вызвало жесткую, язвительную и не всегда объективную критику со стороны Е. Е. Кёлера⁶³. П. И. Кёппен искусно отпарировал большинство замечаний в особой ста-

тье, в которой указал своему строгому критику, что он сам далеко не столь непогрешим, как ему представляется⁶⁴.

Знарок отечественных древностей, митрополит Евгений (Болховитинов) так отреагировал на эту полемику в письмах к П. И. Кёппену от 19 декабря 1823 г. и 22 июня 1824 г.: «Но вот что у нас замечательно: иностранцы вас хвалят в журналах, а наш академик Кёлер при своей книжке на Raoul-Rochette... на конце приписал три странички и на ваш счет и, сим не удовольствовавшись, издал еще особую сего же года там же на Вас книжку *Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus*. Ученые завистливы сверстникам в своем мастерстве»; прочитав ответ Кёппена, отметил: «Завистливому и гордому нумизматику Вы хорошо отвечали»⁶⁵. «Известно, что мастера не любят славы подмастерьев и учеников», — резюмировал митрополит Евгений в письме к графу Н. П. Румянцеву от 25 ноября 1823 г.⁶⁶.

Из переписки митрополита Евгения с известным меценатом и коллекционером, государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым становится очевидным их огромный интерес к археологическим богатствам Ольвии. «Вам, конечно, известно, — писал Румянцев из Гомеля 3 декабря 1822 г., — что славная Ольвия есть ныне одна из деревень графа Кушелева-Безбородки и поныне продолжает быть неисчерпаемым дном самых редких древностей. Кажется с год тому назад сей молодой помещик, возвращаясь из неё в Петербург; захватил ко мне в Гомель отобедать и велел, удовлетворяя мое любопытство, вынуть из кареты большой мешок, единственно наполненный самыми древнейшими медалями». В ответном письме от 17 декабря 1822 г. киевский иерарх сообщил своему адресату: «Много списков с монет, найденных в Ольвии, видел я и у Кёппена, который пишет огромное историческое розыскание о сем бывшем городе. А граф Кушелев-Безбородко напечатал уже и план сих развалин, который и у меня есть»⁶⁷.

В благодарственном письме Н. П. Румянцева П. И. Кёппену за посвящение ему «Древностей северного берега Понта» граф выразил желание, чтобы молодой ученый переключился с греческих древностей на славянские: «... Искренне напрашиваюсь, милостивый государь мой, на посвящение мне какого-либо труда Вашего до российских или вообще до славянских древностей относящихся. Не отстраняйте от себя сие приятное занятие предметами ему чуждыми. С тщанием обозревайте библиотеки и все памятники российской словесности, рассеянные во владениях австрийских и донныне неизвестных» (письмо от 26 марта 1823 г.)⁶⁸. Ревнивая критика со стороны Е. Е. Кёлера и призыв Н. П. Румянцева сменить сферу научных интересов существенно повлияли на тематику дальнейших исследований П. И. Кёппена. Во время пребывания в Вене П. И. Кёппен получил письмо из Дрездена от немецкого ученого Беттигера с высокой оценкой его статей и предложением заняться историей Митридата VI Евпатора. 26 мая 1823 г. Петр Иванович записал в дневнике: «Преклоняю чело и व्यю неповинну. Да не узнает сего знаменитый философ Кёлер, а то и Беттигеру и мне молния и гром! Нет, пора приняться за другое»⁶⁹. В итоге, к сожалению, П. И. Кёппен перестал публиковать работы по классической археологии и эпиграфике Причерноморья, переключившись на занятия библиографией, палеогеографией, статистикой, этнографией, шелководством и т. п., хотя, как свидетельствуют материалы его архива, продолжал собирать сведения о древностях до конца своих дней⁷⁰.

Огромную важность для исследователей представляет так называемый «Ольвийский сборник» П. И. Кёппена⁷¹. В нем сохранились перечни ольвийских древностей, представленные графом А. Г. Кушелевым-Безбородко императрице Марии Федоровне, которые хранились в библиотеке Павловского дворца⁷², монет из коллекции И. А. Стемпковского, изученные П. И. Кёппеном в Вене⁷³, копии надписей, рисунки барельефов и других памятников из Ольвии⁷⁴. Монеты и надписи ученый осматривал в частных и государственных собраниях в имении Безбородко в Стольном, в музее Бларамберга в Одессе, Николаевском депо карт, у полковника А. Н. Раевского в Кисеве, Харьковском университете, собраниях Петербурга, минц-кабинетах многих западноевропейских стран⁷⁵. В сборник включено письмо воспитателя юного барона С. И. де Шодуара, швейцарца Адольфа Вавра (Wavre), из Кременца Волынской губ. 28 декабря 1827 г. с эстампажами трех ольвийских надписей (№ 1 — IPE, I², 203, впервые издана И. Потоцким, хранилась в Тульчине, затем поступила в университет Св. Владимира в Кисеве; № 2 —

IRE, I², 162, из Тульчина, впервые издана Е. Е. Кёлером в работе об островах и беге Ахилла, впоследствии хранилась в Киевском университете; № 3 — IRE, I², 116, из лицея в Кременце поступила в Киевский университет и впервые издана много лет спустя В. И. Модестовым)⁷⁶.

В сентябре 1820 г. Ольвию посетил И. М. Муравьев-Апостол, изложивший свои впечатления от увиденного в форме сновидения⁷⁷. Страстный поклонник античности, он романтически перенесся в город, населенный персонажами из Диона Хрисостома (Dio Chrys., Or. Boristh., XXXVI, 11, 48). Автор с грустью писал «о печальном впечатлении», произведенном на него реальными археологическими остатками. «Вместо того чтобы следуя методу, систематически делать ископания [курсив мой. — И. Т.]... здесь мужик с заступом идет, куда ему заблагорассудится, добывать денежек и горшков...»⁷⁸. И. М. Муравьев-Апостол обратился к А. С. Грейгу с просьбой оказать содействие в топографической съемке городища⁷⁹. Снятый военными специалистами план, приложенный к описанию путешествия И. А. Муравьева-Апостола, по мнению А. Н. Карасева, менее точен, чем план П. И. Кёппена, но ценен попыткой восстановить пределы береговой части города в древности⁸⁰.

Ольвийские нумизматические и эпиграфические памятники занимали и академика Е. Е. Кёлера. В письме к анонимному нумизмату в Одессу, скорее всего, к И. П. Бларамбергу, в 1817 г. хранитель Эрмитажа попытался дать первичную классификацию ольвийских монет, разделив их на 11 классов, при этом не учитывая ни металл, ни массу монет. В основу своей классификации он положил изображения, правда, не всегда верно идентифицированные, — так, речного бога Борисфена он ошибочно атрибутировал как Пана⁸¹. В 1817—1819 гг. Е. Е. Кёлер совершил путешествие по Германии, Италии, Франции, где осматривал художественные коллекции музеев и устанавливал личные контакты с европейскими антикварами. Во время своей поездки Е. Е. Кёлер заехал в имение польских магнатов Потоцких Тульчин в Подольской губ. (1817) и имение Кушелева-Безбородко Стольное в Черниговской губ., где скопировал хранившиеся там ольвийские надписи, в том числе жемчужину эпиграфики Ольвии — декрет в честь Протогена⁸².

Напомню, что впервые Е. Е. Кёлер побывал в Ольвии еще в 1804 г. и, возможно, провел раскопки. 24 июня 1821 г. петербургский академик вновь посетил Ольвию. На страницах путевого дневника Кёлера — копии надписей, рисунки амфор, описания монет и керамических клейм, хранившихся в Ильинском у Д. - Д. Юргенса — управляющего имением графа А. Г. Кушелева-Безбородко — и в Стольном⁸³. Часть из них была опубликована петербургским ученым, в том числе впервые — знаменитый декрет в честь Протогена (IRE, I², 32)⁸⁴. По просьбе Е. Е. Кёлера к управляющему имением 30 июня 1821 г. крестьяне Ильинского приступили к раскопкам городища: «Собралось много крестьян, они копали в нескольких местах, в том числе и на том выступе, где в прошлый раз были найдены надписи [декрет в честь Протогена. — И. Т.]. Тем временем я осматривал местность, вернее территорию древнего, обнесенного стенами акрополя. Была найдена одна монета с довольно большой сидячей фигурой на аверсе и надписью Abundantia [изобилие (лат.). — И. Т.] на реверсе».

Е. Е. Кёлер попытался проверить на местности план Кёппена и высказал сомнения в его точности: «Я отправился от южной оконечности укреплений, следуя севернее цитадели, некогда окруженной стеной и башнями и граничившей на западе с балкой, в которой расположена гавань; из обозначенных на карте Кёппена башен я не нашел ни одной, зато обнаружил с самого северного края, ближе к западной оконечности, башню, которой на этой карте нет.

Из-за того что жители выкопали камни, из которых были сложены стены, местность стала совершенно неузнаваемой. Если бы это не случилось повсюду, очертания древних общественных зданий, находившихся внутри акрополя, а также расположенных поблизости строений, вероятно, принадлежавших городской знати, были бы отчетливо видны и нынче. Но в настоящее время все это стало настолько нечетким, что почти невозможно определить ни толщину стены, окружавшей цитадель, ни положение ее оборонительных башен.

Чертеж города, принадлежащий Кёппену, был сделан в 1819 г.; на некото-

рых из планов, снятых ранее, стена и башни крепости не показаны, не потому, что, как сказал автор одного из этих планов [как следует из текста дневника, имеется в виду Бориславский.— И. Т.], осыпь на линии [укрепленной] еще не была убрана, но по той причине, что тогда камни стены еще из неё не выламывали.

Башни, показанные на плане Кёппена круглыми, были все на самом деле, скорей всего, прямоугольными. К сожалению, следы, еще заметные в 1819 г., теперь стали едва различимы.

Вся внешняя и северная часть города была некогда также обнесена стеной, не указанной на плане Кёппена. Эта часть города (простиралась) до большого кургана, прежде имевшего каменное ограждение вокруг подошвы; вершина кургана, как я отмечал выше, осела либо из-за провала внутреннего свода, либо вследствие того, что раскопки вели, начиная с нижнего края кургана к его центру. [...] В полуверсте от берега старого города в реке сохранились следы древнего города, простиравшегося до этого места, а, может быть, и дальше. И теперь здесь видят лежащие под водой лестничные ступени из крупных камней. Река время от времени выносит куски свища, некогда скреплявшего эти камни».

Е. Е. Кёлер обратил внимание на ряд поселений ольвийской хоры — Чертоватское, Кроткова балка, Козырка, Аджиголь. «Самым замечательным из того, что я осмотрел сперва, начав с мыса, где заканчивается Бугский и начинается Днепровский лиман, были две заметные возвышенности, или два холма, расположенных в 6 верстах от мыса, у самого лимана. На первом холме, называемом местными жителями Большой городок Аджигольский и достигающим около 50 сажень в диаметре, имеются остатки существовавших здесь древних построек, представлявших собой поселение тех, кто принадлежал к этой малой городской части. Рядом с описанной плоской возвышенностью, вплотную к ней, имеется другая, 20 сажень в диаметре, на которой сохранились следы существовавшей здесь некогда крепостной стены. Из сооружений, имевшихся как на первой возвышенности, так и на второй, находящейся к западу от нее, из-за того что берег постепенно осыпался, многое следует искать в лимане. Сооружения на второй возвышенности представляли собой укрепление и называются теперь Малый городок Аджигольский. Лиман здесь достигает местами глубины 20 сажень».

Эти два связанные между собой сооружения, возможно, представляют собой крепость Алектор, которой позже овладели жители Ольвии, вследствие чего здесь, а также внизу, в воде, находят античные монеты Ольвии, хотя и в небольшом числе. Такое кажется мне наиболее вероятным.

Если же это поселение не является крепостью Алектор, то можно считать весьма вероятным, что оно с самого начала было поселением граждан Ольвии, потому что территория или поля, принадлежавшие городу, простирались по всей вероятности, очень далеко на запад.

Затем мы проехали мимо небольшого соленого озера Аджиголь, по которому названо и само поместье.

Дальше путь лежал к Очакову. Местные жители полагают, что в 6 верстах от упомянутой выше крепости некогда существовал отдельно еще один небольшой городок. Сейчас на его месте равнина, занимающая 100 сажень вдоль лимана и имеющая 50 сажень в ширину. Нигде нет и следа древних построек, однако почва состоит из бесплодного строительного мусора, кое-где с примесью битой черепицы».

На протяжении десятилетий грабительские раскопки городища и некрополя проводили владельцы окрестных земель, крестьяне села Ильинского и даже проезжие путешественники. 25 мая 1826 г. И. А. Стемповский сообщил П. И. Кёппену о пребывании в Ольвии известного естествоиспытателя, зоолога и ботаника, академика Имп. АН Христиана-Генриха Пандера (1794—1865): «Г-н Пандер был в Ольвии и рылся в развалинах; после чего поехал в Крым. Не знаю, удалось ли ему что-либо найти: но сомневаюсь — он ловит бабочек, а не медали. Скоро ожидают возвращения его сюда [в Одессу.— И. Т.]; может быть узнаем что-либо о его разысканиях!»⁸⁵. А. Н. Карасев подметил, что если в первой четверти XIX в. на самом городище имелось около 20 курганов, то к середине века все они ока-

зались скрытыми грабительскими раскопками. По свидетельству путешественников, все городище было «ископано», так как парутинцы сделали поиск древностей и продажу их путешественникам дополнительным источником дохода⁸⁶. «Лишь только я вышел из коляски, — вспоминал П. П. Свиньин, — как окружен был женщинами и мальчиками, нанесшими ко мне великое множество разного рода вещей и монет из развалин Ольвии... К сожалению, не более как за неделю до моего приезда сюда, мельник продал в Одессе жиду два серебряных голубка за 80 руб. Хотя большая часть городка и близлежащих курганов кажутся изрытыми, но я могу удостовериться, что поиски сии были только поверхностные, а потому можно полагать, что важнейшие сокровища сокрыты в глубине, пощажены будучи невежеством и корыстолюбием здешних крестьян, которые разрывают теперь каменную стену, коего окружен один из больших курганов. Они жалуются на великое множество змей и тарантул, кои мешают отыскивать монеты в развалинах... В Коренихе, у почт-содержателя Любовицкого, я видел изрядное собрание монет и вещей, находимых в Ольвии, и любопытнейшее из сих последних есть небольшой серебряный лев»⁸⁷.

А. С. Уваров писал, что на его глазах за одни сутки на западном берегу лимана, просеивая песок через решето, местными крестьянами было найдено «более ста медных монет, в том числе и две серебряные, много амфорных ушек, сосудов и других мелочей»⁸⁸. Из книги археолога нам кое-что известно о раскопках курганов, проводившихся на средства графа Кушелева-Безбородко в 1832, 1842 и 1844 гг. Курган 1842 г. имел склеп с мужским погребением и богатым инвентарем — золотой маской, лавровым венком, ожерельем, серьгами, перстнем. А. С. Уваров опубликовал рисунок каменного склепа с уступчатым перекрытием, открытого в 1844 г.⁸⁹

Некоторые ольвийские памятники поступали в собрания дома Романовых. В библиотеке Павловского дворца хранились «небольшая головка Венеры» из белого мрамора и терракотовая «голова Геркулеса юного, с курчавыми волосами», фрагменты надписей на мраморе, а также 19 амфорных ручек с клеймами, найденные в Ольвии⁹⁰. 12 сентября 1855 г. в Эрмитаж поступили 27 резных камней, найденных «в местности древней Ольвии», приобретенные у губернского секретаря Козелло, которые с разрешения обер-гофмаршала Имп. Двора были помещены в зал Керченских древностей⁹¹. Статский советник Довгалецкий в 1858 г. пожертвовал музею древние монеты и другие памятники, найденные в Ольвии⁹². В 1867 г. у графини Кушелевой за 5 тысяч рублей серебром для Имп. Эрмитажа было приобретено собрание древностей, открытых в Ольвии, в том числе уникальный комплекс с золотой маской из кургана 1842 г.: «золотая тростинка, золотая маска, золотой браслет, золотой перстень, серебряное ожерелье, 5 коробочек с серебряными изделиями, 6 коробочек с золотыми украшениями для одежды, коробочки с греческими монетами, агатовые, каменные и глиняные сосуды»⁹³.

На поселениях сельской округи Ольвии неоднократно совершались случайные находки. В мае 1837 г. очаковский полицмейстер ротмистр Сорочан сообщил управляющему канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора А. Я. Фабру, что в «казенном селении» Ивановка близ Очакова на берегу лимана в результате обвала земли на глубине 2,5 сажени [5,33 м] были обнаружены разбитые амфоры, пепел и древесный уголь, а также 20 медных «тариков» и 2 серебряные монеты, которые были направлены в Одесский городской музей⁹⁴.

По убеждению Ю. Г. Виноградова, первым подлинно научным монографически связным очерком истории Ольвии⁹⁵, является часть вводной главы к надписям Сарматии «Корпуса греческих надписей» А. Бёка⁹⁶, проанализировавшего все доступные на то время эпиграфические источники. С этим заключением можно согласиться, но лишь памятуя о том, что работа П. И. Кёппена осталась неизданной, а все ольвийские лапидарные памятники стали известны «отцу греческой эпиграфики» от русских информаторов (И. П. Бларамберга, И. А. Степковского, П. И. Кёппена и Е. Е. Кёлера), из их писем, публикаций и неизданных исследований. Следующий этап изучения Ольвии связан с деятельностью Одесского общества истории и древностей и Петербургского археолого-нумизматического (Русского археологического) общества, но это уже тема другого исследования.

¹ *Описание древних медалей Ольвии или Ольвиополя, находящихся в Одессе, в кабинете г-на Бларамберга.*— М., 1828.— С. IV.

² *ОР ОГПБ. РКП. 62/6. Л. 33 об. Ср.: Скальковский А. А. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края.*— Одесса, 1838.— Ч. 2.— С. 254.

³ *ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 1017. Л. 42 об. (Путешествие вел. кн. Николая Павловича по России. 1816 г. Маршрут путешествия).*

⁴ *ГАРФ. Ф. 666. Оп. 1. Д. 52. Л. 42 об. (Журнал-дневник путешествия великого князя Михаила Павловича по России. 1817 г.).*

⁵ *Тункина И. В. Новые материалы о коллекции древностей И. П. Бларамберга // Проблемы истории и археологии Нижнего Поднестровья: Тез. докл. науч. конф.*— Белгород-Днестровский, 1995.— С. 66, 67.

⁶ *ИР ЦНБ. V, 1017. [Blaramberg J.] Odessa, le 5 Fevrier // Moniteur universelle.*— 1818.— 9 mars. № 68. Л. 1а-1а об. (писцовая копия с исправлениями рукой Бларамберга).

⁷ *Бларамберг И. П. Описание древних медалей Ольвии ... С. VI; Свинын П. П. Обозрение путешествия издателя Отечественных записок по России, в 1825 г., относительно археологии // Отечественные записки.*— 1826.— Ч. 26.— Кн. 72.— С. 435—439.

⁸ *Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т.*— М., 1989.— Т. 2.— С. 484, 513, 517.

⁹ *Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т.*— М., 1989.— Т. 2: Из записных книжек. Письма.— С. 518.

¹⁰ *Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т.*— М., 1989.— Т. 2.— С. 505, 506.

¹¹ *Там же.*— С. 509.

¹² *Там же.*— С. 517.

¹³ *Кошелев В. А. «Приятный стихотворец и добрый человек...» // Батюшков К. Н. Сочинения. В 2 т.*— М., 1989.— Т. 1.— С. 26, 27, 492.

¹⁴ *Choix des médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa.*— Paris, 1822. См. рецензии: *Arneht, Joserh // Archiv für Geographie, Historie, Staats- und Kriegskunst.*— 1822.— № 141, 142; *Начало археологических розысков в Ольвии [Перевод рецензии проф. Крейцера (Creucer) в Heidelberg Jahrbüher der Literatur.*— 1822.— № 78.— S. 1235 сл.] / Пер. с нем. Р. Н. Юргевича, коммент. Н. Н. Мурзакевича // ЗООИД.— 1877.— Т. 10.— С. 407—414.

¹⁵ *Raoul-Rochette D. Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien.*— Paris, 1822. О его связях с Бларамбергом и Стемпковским см.: *Об Ольвии // Вестн. Европы.*— 1823.— Декабрь, № 23-24.— С. 307, 308; *Стемпковский И. А. Письмо редактору. Саратов. 11 февр. 1824 г. // Вестн. Европы.*— 1824.— Февраль, № 3.— С. 230—235.

¹⁶ *Описание древних медалей Ольвии или Ольвиополя, находящихся в Одессе, в кабинете г-на Бларамберга.*— М., 1828.

¹⁷ См. также: *РГВИА: Ф. 418. Оп. 1. Д. 663. Л. 1 (Plan des ruines de la ville d'Olbia. Gravé par Legagneur, Ecrit par Arnoul. Dessiné par Loaisel de Tréogate. Размер по рамке 17×37 см, М 1:10000, рельеф в штрихах).*

¹⁸ *ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 23. Л. 3 об.*

¹⁹ *Описание древних медалей Ольвии...*— С. 39.

²⁰ *Там же.*— С. 36, 39.

²¹ *Карышковский П. О. Монеты Ольвии.*— Киев, 1988.— С. 126, 127; *Кранивина В. В. Ольвия: Материальная культура I—IV вв. н. э.*— Киев, 1993.— С. 152, 153.

²² *Описание древних медалей Ольвии...*— С. 36, 37.

²³ *Choix des médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa.*— P. 37.— Pl. 2.— NN b, c, d. См.: *Булатович С. А. Электровая монета Кизика, найденная на Левке // Материалы по археологии Северного Причерноморья.*— Одесса, 1971.— Вып. 7.— С. 215.— Прим. 32. Н. Н. Мурзакевич приписывал одну из этих монет Абидосу (см. его прим. 3 к статье: *Начало археологических розысков в Ольвии // ЗООИД.*— 1877.— Т. 10.— С. 409).

²⁴ *Благодарю Т. А. Избаш (Одесса) за консультации.*

²⁵ *Латышев Р. Р. Исследования об истории и государственном строе города Ольвии.*— СПб., 1887.— С. VII.

²⁶ *Начало археологических розысков в Ольвии // ЗООИД.*— 1877.— Т. 10.— С. 407—414.

²⁷ Карышковский П. О. Указ. соч.— С. 5.

²⁸ ИР ЦНБ. V, 1019. Л. 1—16 об.

²⁹ ИР ЦНБ. V, 1018. Л. 1—7: Liste onomastique des citoynes d'Olbiopolis ou Olbia, dont les inscriptions, les médailles et autres monumens de cette ville célèbre de l'antiquité, nous à transmis les noms, ainsi que les différentes fonctions qu'ils exécoient, tels que celles d'archonte de prêtre, de stratège d'astynome ect.

³⁰ ИР ЦНБ. V, 1017. Л. 1—15 об. См. также: РСА СПбФ ИРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 783. Л. 1—20 об.

³¹ РСА СПбФ ИРИ. Ф. 36. Оп. 1. Д. 779. Табл. 1—7.

³² Виноградов Ю. Г. Уму пытливому наследуя... // Древнее Причерноморье: III чтения памяти профессора П. О. Карышковского: Тез. докл. юбил. конф. 12—14 марта 1996 г.— Одесса, 1996.— С. 27.

³³ Виноградов Ю. Г. Уму пытливому наследуя... — С. 27, 28.

³⁴ АГЕ. Ф. 1. Оп. VI-М. Д. 27/3. Л. 1—16 (включает: л. 2—4: médailles d'Olbia en bronze; л. 4 об.—9 об.: Anses de Vases de terre cuite trouvées dans l'enceinte de l'ancienne ville d'Olbia (описание амфорных клейм); на л. 10 рисунок остродонной амфоры со сбитой ножкой; л. 11—16 об.: Médailles Romaines impériales en argent).

³⁵ АГЕ. Ф. 1. Оп. VI-М. Д. 27/4. Л. 1, 2. Возможно И. П. Бларамбергу принадлежит анонимная статья с описанием местности Ольвии: Ruines d'Olbia // J. d'Odessa, 1827.— № 85.

³⁶ О нем см.: Тункина И. В. Иван Алексеевич Стемповский: Материалы к биографии // SUSSITIA: Памяти Юрия Викторовича Андреева.— СПб.: Алетейя, 2000.— С. 357—379.

³⁷ Стемповский И. А. О названиях месяцев у древних ольвиополитов // Моск. вестник.— 1827.— Ч. 3.— С. 338—347.

³⁸ О греческих древностях Боспора Киммерийского и Ольвии // Вестн. Европы.— 1823.— Октябрь, № 19.— С. 204.

³⁹ Карышковский П. О. Указ. соч.— С. 102.

⁴⁰ О греческих древностях Боспора Киммерийского и Ольвии (извлечено из Revue Encyclopedique) // Вестн. Европы.— 1823.— Октябрь, № 19.— С. 204.

⁴¹ Стемповский И. А. Мысли относительно изыскания древностей в Новороссийском крае // Отечеств. записки.— 1823.— Ч. 29, кн. 81.— С. 54, 55.

⁴² Стемповский И. А. Исследования о местоположении древних греческих поселений на берегах Понта Евксинского, между Тирасом и Борисфеном, учиненные по случаю найденных в 1823 году остатков древностей в Одессе // ОЗ.— 1826.— Ч. 26, кн. 74.— С. 373.— Прим. 81.

⁴³ Choix des médailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia faisant partie du cabinet de Blaramberg à Odessa.— P. 37.— Pl. 11, 12.— NN 65—77. Цит. по: Стемповский И. А. Известия о новых открытиях по части древностей Южной России, 1824 года // Библиографические листы.— 1825, 20 сент.— № 24.— Стлб. 336.

⁴⁴ Карышковский П. О. Монеты Ольвии.— С. 80—85.— Табл. 4.

⁴⁵ ГАОО. Ф. 93. Оп. 1. Д. 30. Л. 181. О кладе 1824 г. из Понятовки, датированном издателями корпуса 300—250 гг. до н. э., см.: Thompsen M., Mørkholm O., Kraay M. C. An Inventory of Greek Coin Hoards.— New York, 1973.— P. 142.— № 1082. Клад середины XIX в. в этом труде не учтен.

⁴⁶ Подробнее см.: Тункина И. В. П. И. Кёппен как исследователь Ольвии (становление археолога) // Археол. вестник.— 2000.— № 7.— С. 357—372.

⁴⁷ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 42. Л. 7 об.

⁴⁸ Панапова В. А. Маловідомі матеріали з архівів П. І. Кеппена // Мир Ольвии. Материалы юбилейных чтений, посвящ. 90-летию со дня рождения профессора Л. М. Славина.— Киев, 1966.— С. 171—173.

⁴⁹ Золотарев М. И., Буйских С. Б. 1) Неизвестный план Ольвии П. И. Кёппена // РА.— 1997.— № 2.— С. 241—244; 2) «Ольвийская крепость» П. И. Кёппена // Ольвия-200: Тез. докл. междунар. науч. конф. 5—9 сент. 1994 г.— Николаев, 1994.— С. 49.

⁵⁰ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 23. Л. 2.

⁵¹ Тункина И. В. К истории изучения Ольвии в конце XVIII — начале XIX вв. // Древнее Причерноморье: [1-е] Чтения памяти профессора П. О. Карышковского: Тез. докл. конф. (9—

11 марта 1989 г.).— Одесса, 1989.— С. 54. Планы, перенятые на цветные слайды, впервые будут опубликованы в моей монографии «Становление классической археологии в России (XVIII — середина XIX вв.)» (СПб.: Наука, 2001, в печати).

⁵² *Бориславский* (в другом написании Бериславский) Иван Степанович (1787—1866), военный инженер. Из польского шляхетства, сын титулярного советника, в 1803 г. поступил на службу в Инженерный корпус кондуктором 2-го класса с переименованием в инженер-подпоручики, в том же году командирован из Одессы в Тирасполь, в 1804 г. — из Херсона в Очаковскую инженерную команду, в 1805 г. — в Кинбурн, затем из крепости св. Дмитрия в Таганрог, в 1807 г. вернулся в крепость св. Дмитрия, с 10 мая 1808 г. в Таганроге при гидравлических и других строениях, с 13 марта по 26 января 1809 г. занимался съемкой местности рек «о соединении Волги с Доном», с 27 ноября 1809 г. — поручик, в 1810 г. переведен в Очаковскую инженерную команду, находился «при черчении планов», в 1811 г. командирован в Очаков, в 1814 г. работал на Березани, в марте 1819 г. и в 1820—1821 гг. — инженер-капитан, адъютант генерал-майора С. С. Федорова 1-го, окружного командира Херсонского инженерного округа. В 1846—1847 гг. в чине инженер-полковника служил помощником управляющего Херсонского окружного инженерного управления. Скончался в чине инженер-генерал-майора 10 июня 1866 г. на 80-м году жизни, похоронен в Нежине при церкви Иоана Милостивого. См.: *РГВИА*. Ф. 489. Оп. 1. Д. 4940. Л. 11 об, 12, 121 об, 122, 190; *Савельев А. И.* Исторический очерк инженерного управления в России.— СПб., 1887—1897.— Ч. 1.— С. 162; Ч. 2.— С. 324; Ч. 3.— С. 244; *Общий состав военного министерства на 1847 г.*— СПб., 1846.— С. 80; *Ратнер И. Д.* Старейший план Ольвии и его автор // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей): Тез. докл. конф.— Херсон, 1990.— Ч. 3.— С. 76—78; *Русский провинциальный некрополь*: Картоотека Н. П. Чулкова из собрания Государственного литературного музея // Река времен.— М., 1996.— Кн. 4.— С. 39.

⁵³ *Франц* Самойлович фон Муцель (1764—?), «из офицерских детей» немецкого происхождения, начал службу в Орловском пехотном полку сержантом (1779), прапорщиком (1786), подпоручиком (1787), участвовал в походе на Крым 1782 г., принимал участие в боевых действиях на флотилии в Черном море (1790), в 1793 г. привлекался «к строению Кинбурнской крепости», в 1798 г. командировался из Херсона в Очаков, в марте 1799 г. переведен в Инженерный корпус тем же чином, поручик (1803), в 1805 г. служил в Очакове, в 1805 г. — Кинбурне, в 1807 г. — вновь в Очакове, упоминается в «выписке об инженерных командах, находящихся в приморских крепостях» (декабрь 1807 г.) как командир в Николаевском укреплении при Очакове, капитан (1809), в чине «инженера-капитана армии майорских чинов» Ф. С. фон Муцель числится в списке чиновников Инженерного корпуса 17 января 1811 г., с 20 сентября 1811 г. — подполковник. Франц Самойлович фон Муцель как командир Очаковской инженерной команды продолжал служить по крайней мере до января 1816 г. (*РГВИА*. Ф. 489. Оп. 1. Д. 4940. Л. 11 об.-12, 121 об.-122, 189-190). Более поздние формулярные списки не обнаружены. См.: *Фабрициус И. Г.* Столетие военного министерства, 1802—1903. Главное инженерное управление: Истор. очерк.— СПб., 1902.— Т. 7.— Ч. 1.— Прилож. 9.— С. 31; К прилож. 62.— С. 181; *Савельев А. И.* Исторический очерк инженерного управления в России.— СПб., 1894.— Ч. 3.— С. 235.

⁵⁴ *РГВИА*. Ф. 349. Оп. 27. Д. 947. Л. 1. Размер по рамке 52×69 см. В отличие от других планов, этот в большей части листа не расцвечен акварельной отмывкой. На обороте листа помета: «Получен 11 июня 1827 г.».

⁵⁵ *РГВИА*. Ф. 349. Оп. 27. Д. 946. Л. 1. Размер по рамке 49×69 см. На обороте листа помета: «Получен 11 июня 1827 г.».

⁵⁶ *РГРИА*. Ф. 418. Оп. 1. Д. 615. Л. 1. Размер по рамке 56×82 см. Справедливости ради следует отметить, что в листе использования архивного дела имеется расписка о знакомстве с ним еще в апреле 1966 г. сотрудника Херсонского краеведческого музея И. Д. Ратнера, ныне покойного, успевшего опубликовать лишь тезисы об этом плане. См.: *Ратнер И. Д.* Старейший план Ольвии и его автор // Проблемы археологии Северного Причерноморья (к 100-летию основания Херсонского музея древностей): Тез. докл. конф.— Херсон, 1990.— Ч. 3.— С. 76—78.

⁵⁷ *Карасев А. Н.* Планы Ольвии XIX в. как источник для исторической топографии города // *МИА*.— 1956.— № 50.— С. 30.

⁵⁸ *Шильдер Н.* 1) Император Александр Первый, его жизнь и царствование.— СПб., 1898.— Т. 4.— С. 98, 99; 2) Александр I // *РБС*.— 1896.— Т. 6: Аарон-Император Александр II.— С. 359.

⁵⁹ *Карасев А. Н.* Указ. соч.— С. 10.

⁶⁰ *Köhler H. K. E.* Zwei Aufschriften der Stadt Olbia.— СПб., 1822 (=Н. Ё. Ä. Köhler gesammelte Schriften.— СПб., 1850.— Bd 1.— S. 59—80).

⁶¹ Köppen P. Alterthümer am Nordgestade des Pontus.— Wien, 1823.— 108 s. (впервые опубли.: *Wiener Jahrbücher der Literatur*.— 1822.— Т. 20.— С. 259—351). См. рецензию: *Heidelberger Jahrbücher der Literatur*.— 1823. November.— № 70—71.— С. 1130—1134. Местами искажающий смысл оригинала посредственный русский перевод Средне-Камашева с дополнениями автора, изданный на средства Московского общества истории и древностей российских, см.: Кёппен П. И. Древности северного берега Понта.— М., 1828.— Рецензия: Московский телеграф.— 1828.— Ч. 23, № 19.— С. 475—477.

⁶² Köppen P. Olbisches Psephisma zu Ehren des Protogenes.— Wien, 1823.— 14 p. Во франц. переводе Мальте-Брена опубли.: *Nouvelles Annales des Voyages*.— 1823.— Т. 19. Juillet.— P. 132—142. См. также отклики во французской печати: *Lettre de Mr. Raoul-Rochette sur l'inscription d'Olbia à Mr. Malte-Brun // Nouvelles Annales des Voyages*.— 1823.— Т. 19.— P. 274—282; *Lettre à Mr. Malte-Brun sur quelques locutions relatives à l'expression des comptes monétaires, dans le décret des habitans d'Olbia par Mr. Lettronne // Ibid.*— P. 282—289; *Bulletin de Sciences etc. par Mr. le B-n de Ferussas*.— 1824.— № 2.— P. 109, 110.

⁶³ Köhler H. K. E. Remarques sur un ouvrage intitulé: Antiquités Grecques du Bosphore-Cimmérien // Serapis.— Spb., 1823.— Th. 1 (=H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften.— Spb., 1850.— Bd. 1.— P. 81—234; о трудах Рауль-Рошетта 1822 г., p. 81—218; Стемповского 1822 г., p. 218—232; Кёппена 1823 г., p. 232—234). См. также отдельную брошюру Кёлера с рецензией на сочинение П. И. Кёппена: *Köhler H. K. E. Beurtheilung einer Schrift: Alterthümer am Nordgestade des Pontus // Serapis*.— Spb., 1823.— Th. 2 (=H. K. E. Köhler's gesammelte Schriften.— Spb., 1850.— Bd 2.— S. 5—44).

⁶⁴ Köppen P. Nachhall vom Nordgestade des Pontus.— Wien, 1823.— 16 S. Этот ответ перепечатан в собрании сочинений Е. Е. Кёлера: Н. К. Е. Köhler's gesammelte Schriften.— Spb., 1850.— Bd 2; Serapis.— Th. 2.— S. 225—246. См. также отклик А. Бёка: *Allgemeines Repertorium der neuesten in- und ausländischen Literatur*.— 1824.— Bd 1.— S. 55, 56.

⁶⁵ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 84. Л. 7-7 об., 9.

⁶⁶ Переписка митрополита киевского Евгения с государственным канцлером графом Николаем Петровичем Румянцевым и с некоторыми другими современниками (с 1813 по 1825 г. включительно).— Воронеж, 1885.— Вып. 2.— С. 83.

⁶⁷ Переписка митрополита...— Вып. 2.— С. 67, 68.

⁶⁸ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 247. Л. 6.

⁶⁹ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 139. Л. 52 об.

⁷⁰ Подробную оценку ситуации см.: Тункина И. В. 1) Классическая археология: академики и дилетанты (первая треть XIX в.) // Петербургская Академия наук в истории Академий мира: К 275-летию Академии наук. Материалы Междунар. конф. (28 июня — 4 июля 1999 г.).— СПб., 1999.— Т. 2.— С. 245—256; 2) Становление классической археологии в России (XVIII—середина XIX вв.) // Вести. Рос. гуманитар. науч. фонда.— 2000.— № 1.— С. 44—50; 3) Споры о путях развития русской классической археологии в первой трети XIX в. // Антикочеловек на рубеже тысячелетий. Тез. докл. конф. 29—30 июня 2000 г.— М., 2000.— С. 100—104.

⁷¹ Назарчук В. И. Ольвийский сборник Кёппена // Летопись Причерноморья: Археология, история, литература, нумизматика.— Херсон, 1999.— Вып. 3.— С. 14—30.

⁷² ИР ЦНБ. V, 715. Л. 179, 183-187 об.

⁷³ ИР ЦНБ. V, 715. Л. 203-206 об.

⁷⁴ ИР ЦНБ. V, 715. Л. 222-242, 245-257, 261.

⁷⁵ ИР ЦНБ. V, 715. Л. 189-190 об.; ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 135. Л. 68 (музей древностей Дерптского университета, осмотренный в июле 1821 г.); Д. 137. Л. 31 об.-32 (кабинет древностей полковника А. Н. Раевского в Киеве), Л. 52-55 (нумизматический кабинет и собрание древностей лица в г. Кременец, янв. 1822 г.); Д. 138. Л. 131 об.-134 (кабинет древностей, встречи с И. А. Стемповским в Вене в сент.—окт. 1822 г.); Д. 139. Л. 4 об.-6, 40 об. (Вена, май 1823 г., работа над рецензией на книгу Рауль-Рошетта); Д. 140. Л. 23-23 об., 34, 38 об., 44 об., 49 об., 60 и др. (встречи с проф. Крейцером в Гейдельберге, изучение ольвийских монет, кабинеты антиков и монет в Майнце, Касселе, Готе, Веймаре, Йене, Дрездене, Берлине, Дандиге, встречи с немецкими учеными); Д. 142. Л. 50 об.-51, 53, 54, 57, 60 об. (посещение Кабинета антиков в Вене в сент.—окт. 1823 г., встречи с австрийскими учеными и дискуссии о чтении декрета в честь Протогена).

⁷⁶ ИР ЦНБ. V, 715. Л. 243—249.

⁷⁷ Муравьев-Апостол И. М. Ольвия: Отрывок из путешествия в Тавриду в 1820 году. С прибавлением перевода отрывка Бористенской речи Диона Хрисостома.— СПб., 1821.

- ⁷⁸ Муравьев-Апостол И. М. Ольвия...— С. 28, 29.
- ⁷⁹ Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820 г.— СПб., 1823.— С. X.
- ⁸⁰ Карасев А. Н. Указ. соч.— С. 16.
- ⁸¹ Письмо академика Кёлера к неизвестному нумизмату, писанное из С.-Петербурга в 1817 году, 2-го марта / Публ. А. А. Скальковского, пер. с нем. В. Н. Юргевича // ЗООИД.— 1894.— Т. 17.— Отд. 4.— С. 3, 4.
- ⁸² Köhler H. K. E. Zwei Aufschriften der Stadt Olbia.— SPb., 1822 (переиздано: 1. Beschluss der Stadt Olbia für Dadus des Tumbagus Sohn [ИР, Г, 52]. 2. Beschluss der Stadt Olbia für Protogenes, Sohn des Heroson [ИР, Г, 32] // Serapis.— SPb., 1823.— Th. 1.— S. 59—80 (=Köhler's gesammelte Schriften.— SPb., 1850.— Bd 1.— S. 59—61, 62—80).
- ⁸³ ОР РНБ. Нем. IV Q 181. Л. 245 об.-246, 248. Обширный путевой дневник Е. Е. Кёлера, веденный им во время экспедиции 1821 г., в пер. с нем. И. М. Дунаевской в полном виде готовится мной к печати по рукописи, сохранившейся в ОР РНБ (Нем. Q IV 181. Л. 244-272 об.). Здесь и далее текст цитируется по переводу И. М. Дунаевской.
- ⁸⁴ Köhler H. K. E. 1) Mémoire sur les îles et la course consacrées à Achille dans le Pont-Euxin // Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St. Pétersbourg. V series.— SPb., 1826.— Т. 10.— P. 646—649, 651—659, 779—780; 2) Zwei Aufschriften der Stadt Olbia.— SPb., 1822.
- ⁸⁵ ПФА РАН. Ф. 30. Оп. 3. Д. 283. Л. 16.
- ⁸⁶ Муравьев-Апостол И. М. Ольвия...— С. 28; Письма с берегов Черного моря // Журн. для чтения воспитанникам военно-учебных заведений.— 1852.— Т. 96.— № 383.— С. 310.
- ⁸⁷ Свиньин П. П. Обзорение путешествия...— Кн. 75.— С. 95-96.
- ⁸⁸ Уваров А. С. Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря.— СПб., 1851.— Вып. L.— С. 40.
- ⁸⁹ Уваров А. С. 1) Исследования о древностях ...— С. 42—44; 2) Собрание карт и рисунков к исследованиям о древностях Южной России и берегов Черного моря.— СПб., 1853.— Вып. 2.— Табл. XI, XIV. Следует также упомянуть о рисунке Ольвийского городища со стороны Бугского лимана, выполненного поэтом А. С. Норовым в середине 1830-х годов и сохранившемся в его путевых заметках (ОР РНБ. Ф. 531. Д. 118. Л. 27).
- ⁹⁰ Рисунок женской мраморной головки (№ 11), списки керамических клейм и надписей на мраморе (№ 34 и др.) из Ольвии, хранившиеся в Павловске, сохранились в «Ольвийском сборнике» П. И. Кёппена: ИР ЦНБ. V, 715. Л. 224-226. См. также: ЗПАНО.— 1849.— Т. 1.— С. 136; Муральт Э. Г. Памятники древности в Санкт-Петербурге и Павловске // ЗПАНО.— 1850.— Т. 2.— Вып. 2.— С. 301—303.
- ⁹¹ АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1855. Д. 31. 3 л.; Ф. 1. Оп. VI-E¹. Д. 17. № 219. Л. 109 об.
- ⁹² АГЭ. Ф. 1. Оп. 1-1858. Д. 17. 4 л.
- ⁹³ АГЭ. Ф. 1. Оп. V-1867. № 13. Л. 9-10, 12, 15.
- ⁹⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 1837-200. Д. 44. Л. 1-4.
- ⁹⁵ Виноградов Ю. Г. Политическая история Ольвийского полиса VII—I вв. до н. э.— М., 1989.— С. 8.
- ⁹⁶ Corpus inscriptionum Graecarum.— Perolini, 1843.— Vol. 2: Inscriptiones Sarmatiae cum Chersoneso Taurica et Posporo.— Cap. 1.— P. 86—89.— § 5—10.

Одержано 27.03.2001 р.

І. В. Тукіна.

ДО ІСТОРІЇ ВИВЧЕННЯ ОЛЬВІЇ В ПЕРШІЙ ТРЕТИНІ ХІХ СТ.

В історії вивчення Ольвії ключовою для ХІХ ст. можна вважати першу третину сторіччя, коли було знято перші плани городища та його околиць, написано перші наукові дослідження по її історії, введено в науковий обіг десятки невідомих раніше написів та монетних типів. І хоча дослідження того часу ще не набули систематичного і строго наукового характеру через нерозвиненість російської класичної археології, яка робила ще перші кроки, вони вже тоді привертати увагу освічених прошарків російського суспільства, вихованого на ідеалах класицизму.

TO THE HISTORY OF OLBIA STUDYING
IN THE FIRST THIRD OF THE XIX CENTURY

In the history of study of Olbia the first quarter of the XIX century is rightfully considered to be the key moment: the first plans of the ancient town and its environs were made, the first scientific works on its history were written, dozens of the inscriptions and coin types unknown before were put into scientific circulation. And despite the fact, that the investigations of that time hadn't yet gained strictly scientific character through the lack of development of Russian classical archaeology, which was only making its first steps, still they managed to attract the attention of the educated strata of Russian society, brought up on the ideals of classicism and worshipping the immortal beauty of antiquity.

В. В. Назаров

**ОСТРІВ БЕРЕЗАНЬ — ФІЛІЯ ЗАПОВІДНИКА
«ОЛЬВІЯ». ДЕЯКІ ПІДСУМКИ І ПЕРСПЕКТИВИ
АРХЕОЛОГІЧНИХ ДОСЛІДЖЕНЬ**

У статті наведено основні підсумки археологічних досліджень, що проводилися Березанською експедицією Інституту археології НАН України протягом 1982—2000 рр. Розглянуто перспективні напрями подальших досліджень з урахуванням сучасного статусу острова Березані як філії історико-археологічного заповідника «Ольвія».

Острів Березань, що знаходиться в Чорному морі недалеко від м. Очакова, широко відомий серед археологів-антикознавців. На острові розташовані рештки найдавнішого у Північному Причорномор'ї античного міста Борисфена. Нині територія острова входить до складу історико-археологічного заповідника «Ольвія» (рис. 1).

Вивчення Березанського поселення вкрай важливе у контексті дослідження проблеми грецької колонізації Північного Причорномор'я. Спеціальна наукова література, що присвячена цій пам'ятці, є досить численною — загальний перелік публікацій перевищує 200 найменувань.

Практично початок археологічних досліджень на Березані було покладено розвідувальними розкопками Р. Пренделя у 1884 р. У 1900—1901 рр. херсонський поміщик Г. Л. Скадовський на власні кошти почав розкопки Березанського некрополя, що у той час активно руйнувався грабіжниками. Систематичні розкопки поселення проводилися від 1904 по 1913 рр. під керівництвом професора Новоросійського університету в Одесі Є. Р. фон-Штерна, а надалі — від 1927 по 1947 р.— під керівництвом його учня М. Ф. Болтенка. Від 1960 р. розкопки на Березані проводилися українською експедицією під керівництвом В. В. Лапіна, а від 1961 р. тут паралельно почала працювати експедиція Державного Ермітажу з Ленінграда (К. С. Горбунова, Л. В. Копейкіна). Після смерті Л. В. Копейкіної і В. В. Лапіна в 1981 р. доля експедицій, що вони очолювали, склалася по-різному. Експедиція Державного Ермітажу працювала безупинно від 1982 по 1991 р. під керівництвом спочатку Я. В. Доманського (1982—1990), а наостаннє — С. Л. Соловійова (1991). Експедицію Інституту археології НАН України від 1982 по 1984 р. очолювала С. Н. Мазараті, а від 1988 р. по теперешній час — В. В. Назаров. У період з 1985 по 1987 р. дослідження на Березані українські археологи не прово-